

Глава 606: Подавленный

Кто-то повернулся к захлебывающемуся владельцу магазинчика и злобно закричал: «И какой парой глаз ты видел это?»

Владелец магазинчика окинул мужчину презрительным взглядом, говоря: «Сын моей сестры - студент Ортодоксальной Академии. Ученицы Храма Южного Потока находятся там, так как он мог не видеть их? Не только он, многие люди ясно видели, что Святая Дева и Чэнь Чаншэн стояли у окна наверху и общались».

Улица затихла.

Под мерцающими звездами молодой человек и девушка стояли у окна, их фигуры были очерчены звездным светом - это было прекрасной сценой.

Однако, ни один человек не желал радоваться, видя подобную сцену.

Когда прошло некоторое время, толпа наконец-то пришла в себя от ступора, и их остаточный шок уступил место смятению. С последнего года постоянно ходили слухи, что Чэнь Чаншэн принудительно аннулировал эту помолвку с Сюй Южун. Хотя и говорят, что Чэнь Чаншэн, как казалось, изменил свою точку зрения после битвы на Мосту Беспомощности... Святая Дева так просто простила его? Она просто взяла и осталась в Ортодоксальной Академии - может быть, она действительно собиралась выйти за него замуж? Тогда где было лицо Поместья Сюй? Разве Божественный Генерал Востока Сюй Шицзи, известный за свои холодные, надменные и строгие манеры, не станет просто шуткой?

Ранним утром Танг Тридцать Шесть, Сюаньюань По и Су Моюй были сопровождены ученицами Храма Южного Потока в их дом, чтобы забрать свои вещи, собираясь переехать в восточную часть Ортодоксальной Академии. Чжэсю не был с ними. Его весьма потрепанный багаж был вынесен Сюаньюань По.

Неся свой багаж, они стояли перед крепко закрытой дверью в комнату, выглядя немного удрученными, выглядя немного жалостливо.

«Ты все еще могла оставить нам немного лица. В конце концов, это Ортодоксальная Академия, а он - директор», - Танг Тридцать Шесть зывал к крепко закрытой двери. «Даже если это ради его собственной безопасности, ты действовала слишком бесцельно. В чем надобность окружать это место массивом мечей Храма Южного Потока и даже выгонять нас? Это столица, а не Гора Хань. Даже Лорд Демонов не посмеет приходить сюда».

Это была комната Чэнь Чаншэна, но он говорил с Сюй Южун.

Прошла ночь, и ученицы Храма Южного Потока и учителя, а также студенты Ортодоксальной Академии знали, что она не покидала эту комнату.

Дверь в комнату оставалась крепко закрытой. Ее не открыли, и из нее не было слышно голоса.

Сюй Южун сидела за столом у окна, наблюдая, как Чэнь Чаншэн спал в кровати. Иногда она протягивали палец, чтобы погладить его нахмуренные от боли брови.

Лук Тун был в ее левой руке и изучал неясное ци, которое формировало барьер, убеждаясь, что внешний шум не потревожит отдых Чэнь Чаншэна.

Но она слышала слова Танга Тридцать Шесть.

Она знала, что когда внезапно привела с собой учениц Храма Южного Потока обратно в столицу, это неизбежно привлечет все виды обсуждений и шокирует людей, но ее это не беспокоило.

Она потребовала установить массив мечей Храма Южного Потока вокруг этого дома и даже выгнала из него Танга Тридцать Шесть и других. Ее действия казались весьма бесчеловечными, но она приняла такое решение из-за обстоятельств Чэнь Чаншэна, и чтобы получить истинную безопасность, было лучше не встречать никого. То, что она держала Танга Тридцать Шесть и других в стороне, было хорошо для обеих сторон.

Видя, что дверь все еще была крепко закрыта, Танг Тридцать Шесть весьма злобно развернулся и ушел.

Выйдя из дома, пройдя через травяную поляну и то скрытое и неактивное намерение меча, они внезапно увидели мужчину средних лет под деревом у озера.

У этого мужчины средних лет были чернильные брови и вид безразличия, он был крайне мрачным и серьезным. Когда его одежду задевал утренний бриз, можно было смутно почувствовать запах крови.

Е Сяолянь и около десяти учениц Храма Южного Потока преграждали путь мужчине средних лет. Они выглядели весьма нервными, но ни у одной из них не было способов справиться с этим мужчиной.

Потому что это был отец главы храма, Божественный Генерал Востока Сюй Шицзи.

.....

.....

«Вернувшись в столицу, почему ты не вернулась в поместье, вместо этого оставшись здесь? Ты действительно выбрасываешь все лицо моей Семьи Сюй!»

Сюй Шицзи смотрел на измученный внешний вид своей дочери, который не смог скрыть ее прекрасный внешний вид. Он не чувствовал жалость, а на самом деле даже чувствовал себя весьма неудобно. Когда он покинул поместье, он уже планировал говорить настолько мягко, насколько это возможно, но он не мог подавить безразличие в своем голосе, его слова были настолько наполнены холодом, что казались подобны строгим упрекам.

Травянистая поляна у озера была окутана тишиной, занавес из ткани закрывал их от далеким подглядывающих взглядов, но ученицы Храма Южного Потока могли слышать его слова и стали недовольными.

Даже если ты - отец Святой Девы, как ты можешь говорить с ней таким тоном?

Некоторые молодые ученицы, как Е Сяолянь, относились к Сюй Южун, как к богу, святому и неприкосновенному. Их эмоции возбудились, намерение меча и враждебные намерения возросли и переплелись вместе.

Сюй Шицзи почувствовал эту враждебность и намерение меча. Он вновь повернулся к своей дочери, которая тихо стояла у озера, и обнаружил, что для него было трудно подавить свою

ярость. Он закричал: «Может быть, ты посмеешь совершить отцеубийство!»

Сюй Южун повернулась к своему отцу и спросила: «Отец, откуда взялись эти слова?»

Ее голос был очень спокойным, очень мягким, очень легким, так что это объяснение не звучало, как объяснение. Конечно же, не было признания греха.

Выражение лица Сюй Шицзи стало еще более неприглядным, когда он подумал о многих делах прошлого.

Когда она была очень маленькой, Великий Министр растил Сюй Южун, а он и Мадам не могли касаться ее. Когда ей было пять, кровь истинного Феникса в ее теле пробудилась, и Божественная Императрица забрала ее во дворец. Затем так случилось, что она встретила Святую Деву, которая прибыла в мавзолей, чтобы развеять свою скуку. Таким образом, Сюй Южун стала студентом этих двух Святых, так что его черед обучать ее был задвинут еще дальше.

Оценка Сюй Шицзи обычными людьми не была такой уж и высокой, в основном из-за проблем с его личностной моралью, как, например, его позиция относительно клана Тяньхай и к Чэнь Чаншэну в начале. Однако, никто не стал бы отрицать, что его способности были идеальным соответствием с его статусом Божественного Генерала Великой Чжоу. Среди снежных равнин севера он достиг больших военных заслуг. Он управлял своими армиями с невероятной строгостью и управлял своим поместьем, как и своими армиями. Будь это его заместитель с особым происхождением, размещенный на Снежном Проходе, или старые люди его поместья, все они молчали из страха к нему, не смея озвучивать какие-либо возражения, но... у него не было способов контролировать свою дочь.

Потому что у него не было права.

Для любого отца этот факт не мог принести и малейшей радости, но так как Поместье Сюй хотело наслаждаться славой и выгодой, принесенной Сюй Южун, он должен был принять этот факт.

Но, в конце концов, он все еще был ее отцом, а она - его дочерью. Он считал, что она все еще должна была проявить к нему некоторое уважение, как и в последние несколько лет.

Однако, этим утром у озера в Ортодоксальной Академии он осознал, что просто обманывал себя этими мыслями.

«Что за недостойная дочь...»

Голос Сюй Шицзи был холодным, как лед. Его правая рука дрожала, как будто он собирался ударить лицо Сюй Южун в следующий миг.

Сюй Южун спокойно смотрела на своего отца. Она, естественно, не вернет удар.

Взгляды учениц Храма Южного Потока стали острее, а Е Сяолянь и другие юные девушки даже усилили хватку своих мечей.

Как раз в этот миг появился худой старик. Массив мечей Храма Южного Потока был бесполезен против этого старика. Не потому, что он был могущественным, а потому, что он был главным евнухом Имперского Дворца Великой Чжоу, членом внутреннего круга Божественной Императрицы, который получал немалую меру доверия. Более того, когда он

появился, он поднял вверх имперский эдикт.

«Императрица говорит, чтобы вы не позволяли такому тривиальному делу повлиять на отношения между отцом и дочерью».

Главный евнух невыразительно заявил это Сюй Шицзи.

Слова Божественной Императрицы явно были предназначены для двух людей, но евнух лишь смотрел на Сюй Шицзи. Смысл его слов был кристально ясным.

Это было предупреждение.

Выражение лица Сюй Шицзи стало еще более неприглядным, когда он подумал, как такое дочернее бесчестие можно считать тривиальным делом?

Она - моя дочь или дочь Императрицы?

Он лишь мог думать об этом и не смел показывать это на своем лице, и даже был вынужден сделать свое лицо еще более спокойным.

Он взглянул на Сюй Южун и больше ничего не говорил, покидая Ортодоксальную Академию.

Его спина была немного сутулой, он был похож на льва, которого изгнали из его прайда.

Сюй Южун в тишине смотрела на спину своего отца, а ее мысли были загадкой.

Главный евнух повернулся к ней с гораздо более смиренным выражением лица и прошептал: «Императрица приглашает мою леди во дворец».

Сюй Южун получила эдикт и ответила: «Подождите одно мгновение».

.....

.....

«Я не знаю, как стоять лицом к лицу к ней, и между ней и Ортодоксией я абсолютно не могу стоять на ее стороне».

Чэнь Чаншэн отказался от идеи Сюй Южун пойти вместе с ней во дворец. 'Ней' в этом предложении, естественно, указывало на Божественную Императрицу.

Сюй Южун ничего не говорила. По правде говоря, она тоже знала, что брать с собой Чэнь Чаншэна во дворец было невероятно опасным делом. Она знала, какое высокомерие и пренебрежение было к подобным эмоциям у этих Святых, которые охватывали мир. Божественная Императрица ничего не делала Чэнь Чаншэну эти два года, потому что должна была учитывать Дворец Ли или потому, что находила невозможным быть уверенной. Сейчас все зацепки указывали на то нерешенное дело десяти лет назад. Ни один человек не мог гарантировать, что случится, если она увидит Чэнь Чаншэна в имперском Дворце.

«Тебе не стоит волноваться обо мне», - Чэнь Чаншэн увидел взгляд на ее лице и знал, о чем она думала. Юноша утешил ее: «Ты использовала технику Священного Света прямо перед въездом в столицу, а вчера Боевой Дядя использовал Священную Воду, чтобы искупать мое тело, создавая другой барьер. В это короткое время не возникнет проблем, и не будет ли массив мечей Храма Южного Потока всегда снаружи?»

Сюй Южун более ничего не говорила и ушла.

Пока Чэнь Чаншэн стоял у окна и смотрел, как ее фигура постепенно исчезает вдаль, выражение его лица стало несколько удрученным.

Он знал свою текущую ситуацию лучше, чем кто-либо ещё, лучше, чем она, и лучше, чем Поп.

Его меридианы были расплавлены и разорваны звездным блеском, и их нельзя было починить.

Его душа просачивалась в его плоть и кости вместе с его кровью, и ее было невозможно убрать.

Его раны можно было контролировать, но его жизненная сила постоянно терялась.

Его тело и судьба давным-давно были пронизаны дырами, они были потрепанными выше всякого понимания.

Любой другой человек в это время уже давным-давно потерял рассудок и стал бы удрученным, но он все еще сохранял свое спокойствие.

Юноша спустился вниз и направился в Ортодоксальную Академию на другой стороне занавеса.

С отсутствием Сюй Южун ученицы Храма Южного Потока были не в состоянии помешать ему уйти. Хотя массив мечей был ужасающим, как они могли позволить ему пасть на его тело?

Вокруг главного зала Ортодоксальной Академии было много скульптур из того сокрушительного переворота около десяти лет назад. Фонтан был отремонтирован, но каменные звери все еще были частично повреждены.

Он взглянул на Су Моюй и сказал: «После этого дня я могу быть вынужден передать это место тебе».

Он повернулся к Тангу Тридцать Шесть и сказал: «Если возможно, будет лучше, если ты сможешь отложить свое возвращение в Вэньшуй на один год».

Затем он повернулся к Сюаньюань По и дал ему наставление: «Ты не должен продолжать думать о том, что твои раны уже исцелились, ты все еще должен продолжать принимать лекарство».

Наконец, он повернулся к Чжэсю и сказал: «Для меня невозможно продолжать лечить тебя, но я попробую так быстро, как это возможно, написать историю болезни. Ты абсолютно не можешь сдаваться в своем исцелении».

.....

.....